

42	0060	БОРИС ПАСТЕРНАК	"Высокая болезнь"
----	------	-----------------	-------------------

ОПЕРА-БАЛЛАДА "ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ" (Коренблит – Пастернак)

От собеседника

Борис Пастернак - известный поэт Серебряного века, но, скорее всего, как личность эпохи противостояния Поэтов и Власти. Немного людей смогут припомнить хотя бы одно его стихотворение наизусть, более всего из-за сложности стихосложения. Однако для более легкого понимания (и, конечно же, для моего собственного) необходима музыкальная основа, которой Б.П. непременно пользовался, т.к. сам был музыкантом, окончил композиторский факультет. "Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней - Скрябина..." – писал он, являясь при этом учеником композитора Р.М.Глиэра. Отец Б.П. был живописцем, графиком и это, в свою очередь, является последним ключом к разгадке его поэтического мышления.

Стихотворный цикл взят мной не случайно. Мне хотелось сразу ёмко во всем разнообразии, передать завершённое мнение о его творчестве через законченность цикла, сделанного самим поэтом. Для этого я использовал некоторые особенности рондо, не забывая и о малых кругах одного рокового хода, дополнительно соединяющего весь сюжет единой нитью. Разделение по времени на 16 частей немного условно.

"Высокая болезнь" – "...еще зовётся песнь. Уместно ль песнью звать содом, усвоенный с трудом землей...". Трудно добавить что-то к позиции Б.П. в своем отношении к тому, что происходило и, увы, происходит в стране, невольными участниками событий которых мы и являемся, искупая грехи своих дедов и отцов. Рок взят в основу моей работы, как традиционная форма протеста. Вот всё, что могу сделать своими силами без необходимых средств для более яркой реализации этой композиции...

1. Часть 1 - 4.52
2. Часть 2 - 1.39
3. Часть 3 - 1.04
4. Часть 4 - 4.02
5. Часть 5 - 1.02
6. Часть 6 - 0.43
7. Часть 7 - 1.31
8. Часть 8 - 2.32
9. Часть 9 - 2.23
10. Часть 10 - 3.44
11. Часть 11 - 1.37
12. Часть 12 - 1.25
13. Часть 13 - 0.59
14. Часть 14 - 1.58
15. Часть 15 - 2.12
16. Часть 16 - 3.15

Общее время звучания - 34.58

1. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 1

Мелькает движущийся ребус,
Идет осада, идут дни,
Проходят месяцы и лета.
В один прекрасный день пикеты,
Сбиваясь с ног от беготни,

Приносят весть: сдается крепость.
 Не верят, верят, жгут огни,
 Взрывают своды, ищут входа,
 Выходят, входят, идут дни,
 Проходят месяцы и годы.
 Проходят годы, - все - в тени.
 Рождается троянский эпос,
 Не верят, верят, жгут огни,
 Нетерпеливо ждут развода,
 Слабеют, слепнут, - идут дни,
 И в крепости крошатся своды.

2. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 2

Мне стыдно и день ото дня стыдней,
 Что в век таких теней
 Высокая одна болезнь
 Еще зовется песнь.
 Уместно ль песнью звать содом,
 Увоенный с трудом
 Землей, бросавшейся от книг
 На пики и на штык.
 Благими намереньями вымощен ад.
 Установился взгляд,
 Что, если вымостить ими стихи, -
 Простятся все грехи.
 Все это режет слух тишины,
 Вернувшейся с войны.
 А как натянут этот слух, -
 Узнали в дни разрух.
 В те дни на всех припала страсть
 К рассказам, и зима ночами
 Не уставала вшами пряхь,
 Как лошади прядут ушами.
 То шевелились тихой тьмы
 Засыпанные снегом уши,
 И сказками металась мы
 На мятных пряниках подушек.

3. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 3

Обивкой театральных лож
 Весной овладевала дрожь.
 Февраль нищал и стал неряшлив.
 Бывало, крякнет, кровь откашляв,
 И сплюнет, и пойдет тишком
 Шептать теплушкам на ушко
 Про то да се, про путь, про шпалы.
 Про оттепель, про что попало;
 Про то, как с фронта шли пешком.
 Уж ты и спишь, и смерти ждешь.

Рассказчику ж и горя мало:
 В ковшах оттаявших калош
 Припутанную к правде ложь
 Глокает платяная вошь
 И прясть ушами не устала.

4. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 4

Хотя зарей чертополох,
 Стараясь выгнать тень подлиньше,
 Растягивал с трудом таким же
 Ее часы, как только мог;
 Хотя, как встарь, проселок влѣк
 Колеса по песку в разлог,
 Чтоб снова на суглинок вымчать
 И вынести вдоль жердей и слег;
 Хотя осенний свод, как нынче,
 Был облачен, и лес далѣк,
 А вечер холоден и дымчат,
 Однако это был подлог,
 И сон застигнутой врасплох
 Земли похож был на родимчик,
 На смерть, на тишину кладбищ,
 На ту особенную тишь,
 Что спит, окутав округ целый,
 И, вздрагивая то и дело,
 Припомнить силится: "Что, бишь,
 Я только что сказать хотела",
 Хотя, как прежде, потолок,
 Служа опорой новой клетки,
 Тащил второй этаж на третий
 И пятый на шестой волок,
 Внушая сменой подоплѣк,
 Что все по-прежнему на свете,
 Однако это был подлог,
 И по водопроводной сети
 Взбирался кверху тот пустой,
 Сосущий клекот лихолетья,
 Тот, жженный на огне газеты,
 Смрад лавра и китайских сой,
 Что был нудней, чем рифмы эти,
 И, стоя в воздухе верстой,
 Как бы бурчал: "Что, бишь, постой,
 Имел я нынче съесть в предмете?"

5. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 5

И полз голодною глистой
 С второго этажа на третий
 И крался с пятого в шестой.

Он славил твердость и застой
 И мягкость объявлял в запрете,
 Что было делать? Звук исчез
 За гулом выросших небес.

6. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 6

Их шум, попавши на вокзал,
 За водокачкой исчезал,
 Потом их относило за лес,
 Где сыпью насыпи казались,
 Где между сосен, как насос,
 Качался и качал занос,
 Где рельсы слепли и чесались,
 Едва с пургой соприкасались.

7. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 7

А сзади, в зареве легенд,
 Дурак, герой, интеллигент
 В огне декретов и реклам
 Горел во славу темной силы,
 Что потихоньку по углам
 Его с усмешкой поносила
 За подвиг, если не за то,
 Что дважды два не сразу сто.
 А сзади, в зареве легенд
 Идеалист-интеллигент
 Печатал и писал плакаты
 Про радость своего заката.

8. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 8

В сермягу завернувшись, смерд
 Смотрел назад, где север мерк,
 И снег соперничал в усердии
 С сумерничающею смертью.
 Там, как орган, во льдах зеркал
 Вокзал загадкою сверкал,
 Глаз не смыкал и горе мыкал
 И спорил дикой красотой
 С консерваторской пустотой
 Порой ремонтов и каникул.
 Невыносимо тихий тиф,
 Колени наши охватив,
 Мечтал и слушал с содроганьем
 Недвижно лившийся мотив
 Сыпучего самосверганья.
 Он знал все выемки в органе
 И пылью скучивался в швах
 Органных меховых рубях.
 Его взыскательные уши

Еще упрашивали мглу,
И лед, и лужи на полу
Безмолвствовать как можно суше.

9. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 9

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.
Я не рожден, чтоб три раза
Смотреть по-разному в глаза.
Еще двусмысленней, чем песнь,
Тупое слово - враг.
Гощу. - Гостит во всех мирах
Высокая болезнь.
Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нитья
И хочет быть, как я.
Мы были музыкаю чашек,
Ушедших кушать чай во тьму
Глухих лесов, косых замашек
И тайн, не льстящих никому.
Трещал мороз, и ведра висли.
Кружились галки, - и ворот
Стыдился застуженный год.
Мы были музыкаю мысли,
Наружно сохранявшей ход,
Но в стужу превращавшей в лед
Заслякоченный черный ход.
Но я видал девятый съезд
Советов. В сумерки сырые
Пред тем обегав двадцать мест,
Я проклял жизнь и мостовые,
Однако сутки на вторые,
И, помню, в самый день торжеств,
Пошел, взволнованный донельзя,
К театру с пропуском в оркестр.

10. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 10

Я трезво шел по трезвым рельсам,
Глядел кругом, и всё окрест
Смотрело полным погорельцем,
Отказываясь наотрез
Когда-нибудь подняться с рельс.
С стенных газет вопрос карельский
Глядел и вызывал вопрос
В больших глазах больных берез.

На телеграфные устои
 Садился снег тесьмой густою,
 И зимний день в канве ветвей
 Кончался, по обыкновенью,
 Не сам собою, но в ответ
 На поученье. В то мгновенье
 Моралью в сказочной канве
 Казалась сказка про конвент.
 Про то, что гения горячка
 Цементу крепче и белей.
 (Кто не ходил за этой тачкой,
 То испытай и поболей.)
 Про то, как вдруг в конце недели
 На слепнувших глазах творца,
 Родятся стены цитадели
 Иль крошечная крепостца.
 Чреду веков питает новость,
 Но золотой ее пирог,
 Пока преданье варит соус,
 Встает нам горла поперек.
 Теперь из некоторой дали
 Не видишь пошлых мелочей.
 Забылся трафарет речей,
 И время сгладило детали,
 А мелочи преобладали.
 Уже мне не прописан фарс
 В лекарства ото всех мытарств.
 Уж я не помню основанья
 Для гладкого голосованья.
 Уже я позабыл о дне,
 Когда на океанском дне
 В зияющей японской бреши
 Сумела различить депеша
 (Какой ученый водолаз)
 Класс спрутов и рабочий класс.
 А огнедышащие горы,
 Казалось, - вне ее разбора.
 Но было много дел тупей
 Классификации Помпей.
 Я долго помнил назубок
 Кошунственную телеграмму:
 Мы посылали жертвам драмы
 В смягченье треска Фузиямы
 Агитпрофсоюзский лубок.

11. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 11

Проснись, поэт, и суй свой пропуск.
 Здесь не в обычае зевать.
 Из лож по креслам скачут в пропасть

Мста, Ладога, Шексна, Ловать.
 Опять из актового зала
 В дверях, распахнутых на юг,
 Прошло по лампам опахало
 Арктических Петровых выюг.
 Опять фрегат пошел на траверс.
 Опять, хлебнув большой волны,
 Дитя предательства и каверз
 Не узнает своей страны.

12. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 12

Все спало в ночь, как с громким порском
 Под царский поезд до зари
 По всей окраине поморской
 По льду рассыпались псари.
 Бряцанье шпор ходило горбась,
 Преданье прятало свой рост
 За железнодорожный корпус,
 Под железнодорожный мост,
 Орлы двуглавые в вуали,
 Вагоны Пульмана во мгле
 Часами во поле стояли,
 И мартом пахло на земле.
 Под Порховом в брезентах мокрых
 Вдувавшихся верст за сто вод
 Со сна на весь Балтийский округ
 Зевал пороховой завод.

13. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 13

И уставал орел двуглавый,
 По Псковской области кружа,
 От стягивавшейся облавы
 Неведомого мятежа.
 Ах, если бы им мог попасться
 Путь, что на карты не попал.
 Но быстро таяли запасы
 Отмеченных на картах шпал.
 Они сорта перебирали
 Исципанного полотна.
 Везде ручьи вдоль рельс играли,
 И будущность была мутна.
 Сужался круг, редели сосны,
 Два солнца встретились в окне.
 Одно всходило из-за Тосна,
 Другое заходило в Дне.

14. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 14

Чем мне закончить мой отрывок,
 Я помню, говорок его

Пронзил мне искрами загревок,
 Как шорох молнии шаровой.
 Все встали с мест, глазами втуне
 Обшаривая крайний стол,
 Как вдруг он вырос на трибуне,
 И вырос раньше, чем вошел.
 Он проскользнул неуследимо
 Сквозь строй препятствий и подмог,
 Как этот в комнату без дыма
 Грозы влетающий комок.
 Тогда раздался гул оваций,
 Как облегченье, как разряд
 Ядра, невластного не рваться
 В кольцо поддержек и преград.
 И он заговорил. Мы помним
 И памятники павшим чтим.
 Но я о мимолетном. Что в нем
 В тот миг связалось с ним одним?

15. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 15

Он был как выпад на рапире.
 Гонясь за высказанным вслед,
 Он гнул свое, пиджак топыря
 И пяля передки штиблет.
 Слова могли быть о мазуте,
 Но корпуса его изгиб
 Дышал полетом голой сути,
 Прорвавшей глупый слой лузги.
 И эта голая картавость
 Отчитывалась вслух во всем,
 Что кровью былей начерталось:
 Он был их звуковым лицом.
 Когда он обращался к фактам,
 То знал, что, полоща им рот
 Его голосовым экстрактом,
 Сквозь них история орет.
 И вот, хоть и без панибратства,
 Но и вольней, чем перед кем,
 Всегда готовый к ней придраться,
 Лишь с ней он был накоротке.
 Столетий завистью завистлив,
 Ревнив их ревностью одной,
 Он управлял теченьем мыслей
 И только потому – страной.

16. ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ. Часть 16

Я думал о происхожденьи
 Века связующих тягот.
 Предвестьем льгот приходит гений

И гнетом мстит за свой уход.